

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАГМАТИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В. М. Ефимов

Слово «либерализм» в России стало чуть ли не ругательным. Либерализм, который россияне видели в действии, является неолиберализмом, к рождению, развитию и распространению которого экономисты имеют самое непосредственное отношение. Неолиберализм является продолжением теорий первых экономистов, а именно физиократов и Адама Смита. В статье излагаются основы эпистемологии и онтологии прагматистской философии Джона Дьюи, которым соответствовали исследовательские практики немецкой историко-этической школы и исходного американского институционализма. Кроме своей теории познания Дьюи разработал вариант либерализма, основанный на его модели человека, которую он противопоставляет модели homo oeconomicus. В статье предлагается реорганизовать деятельность экономистов в русле идей Дьюи.

Ключевые слова: идеи Джона Дьюи, прагматизм, либерализм, институциональная экономика Джона Коммонса, исходный институционализм, исследование-расследование, правило-привычка, верование-убеждение; обдумывание-обсуждение, интеллектуальный поиск.

О прагматистской философии Джона Дьюи

Базой для прагматистской философии послужило знание реальных исследовательских практик в естествознании. Знание этих практик позволило прагматистским философам прийти к пониманию принципиальных черт любого процесса познания и даже любой человеческой деятельности. Особенно большой вклад в такое понимание внес Джон Дьюи, распространив принципы, выявленные при изучении естественнонаучных практик, на свою социальную и политическую философию. Центральным понятием в философии Дьюи является понятие *inquiry*, которое на наш взгляд следовало бы перевести на русский язык как *исследование-расследование*. Благодаря выбору понятия исследование-расследование в качестве центрального¹ видение познания в прагматистской философии кардинальным образом отличается от традиционного, где центральными являются ментальные понятия ощущения, представления, разума. Кроме слова *inquiry* Дьюи «прибегал и к другим терминам: «интеллектуальный поиск» (*intelligence*), «обоснованное рассуждение» (*reasoning*), «критическая рефлексия» и др. Все они нацелены подчеркнуть деятельностное обретение человеком знания» [22, с. 173].

Понятие *inquiry* Дьюи заимствовал у основателя прагматизма Чарльза Пирса, который связывал это понятие с понятием *belief*. Заметим, что термин *belief* в разных русских переводах Пирса переводится то как «верование», то как «убеждение». Ровно так же, как выше, где для обозначения понятия *inquiry* мы использовали двойной термин исследования-расследования, целесообразно для обозначения понятия *belief* ввести двойной термин «верование-убеждение». Проведение исследования-расследования дает нам в качестве своего результата новое понимание отдельных элементов окружающего нас мира и протекающих в нем процессов, и эта смена нашего понимания есть на самом деле не что иное, как смена нашего мнения (верования-убеждения) относительно затронутых в исследовании-расследовании вопросов. Это новое понимание нередко требует введения новых понятий, с помощью которых и отражается это понимание, его смысл. Конечным же результатом смены верования-убеждения являются изменения в наших постоянных, привычных правилах действия, то есть в наших привычках. Прагматистское понятие «при-

вычка» (*habit*) точно так же, как два других центральных прагматистских понятий (*inquiry* и *belief*), целесообразно переводить на русский язык с помощью двойного термина. Таким термином естественно будет составное слово правило-привычка, так как правило становится источником социальных регулярностей только в том случае, если оно «опривычено». По Пирсу и Дьюи, для того, чтобы выяснить смысл какого-то понятия, мы просто должны определить, какие последствия, а затем и привычки, оно вызывает. Это относится как к обыденным, так и к научным понятиям. Будучи сформулированными и принятыми, понятия абсорбируют и в сжатой форме отражают предшествующий опыт, который вызвал их появление.

Начиная проводить новое исследование-расследование, мы неизбежно отталкиваемся от имеющегося у нас опыта, который был зафиксирован в понятиях и связанном с ними понимании определенного объекта и/или явления, в частности, в понимании, принимающем форму теорий. Тем самым эти понятия и теории могут рассматриваться как инструменты познавательного процесса. Джон Дьюи связывает необходимость проведения исследований-расследований с появлением проблемных ситуаций (*problematic situation*)². Использование понятий и теорий для понимания действительности не заменяет исследования-расследования, связанного с появлением новых проблем, требующих своего решения, которое неизбежно вызовет возникновение новых описаний, понятий и теорий. Из-за динамичности и контекстуальности социальной реальности появление новых описаний, понятий и теорий должно происходить также динамично и, безусловно, должно быть контекстным.

Название пионерского направления в философии, развиваемого Джоном Дьюи, нередко вызывает ложную его трактовку. Термин «прагматичный», указывал Дьюи, «означает только правило соотнесения всех рефлексивных соображений с их последствиями для определения их смысла и проверки. Что касается последствий, то их не следует понимать утилитарно; они могут быть любыми — эстетическими, моральными, политическими или религиозными» [22, с. 174]. Ложно трактовать также философию Дьюи как проявление агностицизма и релятивизма. Следуя за Пирсом, Дьюи перео-

¹ Более подробно, чем я могу себе позволить в этой статье, о философии Джона Дьюи, основанной на понятии «исследование-расследование», см. [3].

² Проблемная ситуация возникает в случае сомнений, которые вызывают чувство беспокойства и неудовлетворенности.

пределил понятие «истина»: «Выступив против платоновской традиции мысли, Дьюи отверг идею «подлинной и объективной истины», или «Истины с большой буквы». Соответственно отверг он и корреспондентную теорию истины¹. Понятие «верование» предпочтительнее «истины» потому, что открывает простор для сомнения и критики, приглашает к опровержению. Еще лучше понятие «подтверждаемое утверждение» (*warranted assertion*)» [22, с. 174].

Современная мысль, замечает Дьюи, продолжая находиться под влиянием ньютоновской натурфилософии, трактует все существующее как полностью детерминированное. Все, что таковым не является, было исключено из рассмотрения как части природы, то есть объективного. В результате ментальное было четко отделено от физически естественного. При этом видении ментальное, конечно, характеризуется неопределенностью. Разум был помещен вне природы, и каким образом он ее познает, стало черной тайной, а неопределенность стала трактоваться как проявление субъективного начала. Контраст между неопределенным, по которому имеется сомнение, и определенным, детерминированным стал одним из главных признаков, по которому объективное и субъективное были разграничены и противопоставлены друг от другу [31, р. 231–232]. При устранении дуализма между теорией (относительно которой предполагается, что она выявляет законы детерминированной внешней среды) и практикой (которая неизбежно связана с неопределенностью внешней среды) противопоставление объективного и субъективного устраняется. Недаром в подзаголовке своей книги «Поиск достоверности» [31] Дьюи очень четко формулирует центральный элемент своей философии: «изучение связи между знанием и действием». Дуализм теории и практики, знания и действия играл и продолжает играть очень негативную роль в социально-политико-экономической области.

Наряду с преодолением дуализма теории и практики прагматизм был нацелен на устранение субъектно-объектного дуализма, который проистекал из поиска прочного фундамента отдельно либо в чувственных восприятиях, либо в разуме. Источник этого дуализма у современных ему эпистемологов «Дьюи видел в ложном понимании сознания. Сознание мыслилось в виде некой ментальной сущности, наделенной

уникальной способностью к отражению «подлинной реальности». На самом деле, никакой внутренней сущности не существует — есть только потребность организма разрешать проблемные ситуации. Деятельность сознания в познании следует понимать как «систему операций, в которых проблемные ситуации либо обозначаются, либо разрешаются» [31, р. 229]. Поэтому все задействованные в нем элементы являются не «внутренними», а «публичными, наблюдаемыми и верифицируемыми» [31, р. 229]... Философы, искавшие для знания достоверную опору, упускали из виду факт, что их теоретические понятия являлись «инструментами, нежели чем-то фиксированным и самостоятельным» [31, р. 187]. Объекты, которые представляются объективно существующими, на самом деле предстают таковыми благодаря проведенным ранее операциям исследования, тестирования и рефлексии. В достижении знания элементы опыта играют функциональную и операциональную роль. Новый взгляд на опыт и познание, писал Дьюи, исходит из «гипотетического статуса всех данных и предположений и апеллирует для своего подтверждения к операциям, способным, когда они носят вторичный характер, производить подобные результаты [31, р. 184]» [22, с. 172–173].

Прагматистские понятия «исследование-расследование» (*inquiry*), «верование-убеждение» (*belief*), «правило-привычка» (*habit*), а также еще одно понятие Дьюи — «обдумывание-обсуждение» (*deliberation*), позволяют пересмотреть не только философию науки, но также социальную и политическую философию. В философии Дьюи можно увидеть альтернативу философии, пропагандируемой и развиваемой экономистами магистрального направления. «Экономический человек» (*homo oeconomicus*) этой философии заменяется у Дьюи «человеком познающим», который постоянно в своей жизни проводит исследования-расследования, коллективно приспособляясь к изменяющимся условиям своего существования. Приспособление это осуществляется путем коллективной смены правил-привычек членов определенного сообщества, изменение которых следует корректировке разделяемых членами сообщества верований-убеждений. Корректировка эта происходит на базе проведенных внутри этого сообщества исследований-расследований, сопровождаемых коллективными обдумываниями-обсуждениями. На смену рассмотрения взаимодействия людей как столкновения индивидуумов-молекул, что имеет место в магистральной экономи-

¹ Основным вариантом корреспондентной теории истины является «классическая» концепция истины (Платон, Аристотель, Фома Аквинский), согласно которой истина есть соответствие мыслей действительности.

ческой теории, взаимодействие людей в философии Дьюи происходит на основании следования социально сформировавшимся правилам-привычкам. Следуют им люди не как автоматы, а творчески, выбирая из имеющихся правил-привычек те, которые подходят для применения в конкретных ситуациях¹, причем выбор этот осуществляется на основе обдумываний-обсуждений. Эти *обдумывания-обсуждения в виде дискурсов и составляют ткань человеческих взаимодействий*, делая каждого члена этих взаимодействий «человеком говорящим». Вместо взятого экономистами из термодинамики, как метафоры, понятия равновесия товаров и цен, получаемого в результате взаимодействия людей как сталкивающихся индивидуумов-молекул, прагматизм предлагает рассматривать это взаимодействие как динамичное, постоянно сопровождаемое неопределенностью, при котором следование всех членов этого взаимодействия в определенном сообществе общим для них правилам-привычкам и делает их поведение предсказуемым.

В своей книге «Человеческая природа и поведение» [30] Дьюи специально рассмотрел разницу в модели человека, основанной на его видении человека как базирующего свое поведение на расчете выгод и потерь, и модели человека, основывающего свое поведение на обдумывании-обсуждении. По Дьюи, задача обдумывания-обсуждения не состоит в том, чтобы побуждать к действию, выясняя, где можно было бы получить наибольшую выгоду. Она состоит в том, чтобы находить выход из затруднительных положений в существовании-деятельности, а также восстанавливать преемственность, воссоздавать гармонию, ис-

пользовать свободно свои импульсы и перенаправлять привычки. Этим целям и служат наблюдения за существующими условиями и воспоминания о ситуациях, которые имели место в прошлом. Обдумывание-обсуждение начинается тогда, когда в деятельности возникают проблемы, и заканчивается выбором курса действий, которые актеров устраивают. Это совсем не напоминает расчета прибыли и убытка, удовольствий и страданий, при которых действующее лицо, актер (*actor*), вовлеченный в драму, напоминает клерка, делающего дебетовые и кредитные записи в свой бухгалтерской книге [30, p.199].

Дьюи задается вопросом: в чем практическая разница, действуем ли мы под влиянием расчета будущих радостей и неприятностей или исходя из опыта настоящего времени? Ответ он находит в рассмотрении природы предмета обдумывания-обсуждения: «Расчетная теория (*the calculative theory*) имеет в качестве своего предмета будущие чувства, ощущения, при этом действия и мысли являются внешними средствами получения и избегания этих ощущений. Если такая теория и имеет какое-то практическое влияние, то оно состоит в рекомендации индивиду сконцентрироваться на своих собственных наиболее субъективных и личных чувствах. Это не оставляет ему никакого выбора, кроме как между болезненным самоанализом и замысловатым расчетом отдаленных, плохо понимаемых и неопределенных результатов. На самом деле обдумывание-обсуждение является предварительным расследованием различных курсов действия. Оно основывается на объективных ситуациях, а не на чувствах. Нет сомнений, что мы иногда впадаем в обдумывания и обсуждения эффекта действия на наши будущие чувства, думая о ситуации в основном с точки зрения ощущений удобств и неудобств, которые она нам принесет. Но эти моменты действительно являются нашими сентиментальными моментами жалости к себе или самовосхваления. Они ведут к болезненным ощущениям, софистике и изоляции от других, в то время как рассмотрение наших действий с точки зрения их объективных последствий приводит к прояснению и принятию во внимание того, как наши действия скажутся на других. Первое возражение, следовательно, против рассмотрения обдумывания-обсуждения как расчета будущих чувств, если быть последовательным, состоит в том, что такое рассмотрение превращает аномальный случай в норму» [30, p. 201 — 202]. Для Дьюи неприятие во внимание че-

¹ Вот что по этому поводу пишет В.С. Автономов: «Согласно знаменитому американскому философу Джону Дьюи, оказавшему большое влияние на экономистов-институционалистов, человеческая природа состоит из природных «импульсов и привычек, которые (в том числе и саму «привычку учиться») человек постигает в процессе обучения, испытывая положительную или отрицательную реакцию общества на свое поведение» [30, p. 89, 105]. Очень важно подчеркнуть, что под привычкой Дьюи имел в виду не бездумное повторение раз затверженного стереотипа в духе павловского условного рефлекса. «Сущность привычки, — отмечал он, — состоит в приобретении склонности к некоторым видам и способам реакции, а не к определенным действиям... Она (привычка — В. А.) предполагает волю» ... Такие привычки не только не являются противоположностью рациональности в широком смысле слова, а, видимо, представляют собой наиболее часто встречающийся на практике способ ее существования. Благодаря относительной стабильности и всеобщности привычки она делает человеческое поведение предсказуемым» [1, с. 194].

ловеком возможных негативных последствий своих действий для других является социальной аномалией [30, р. 204 – 205]. В современной же магистральной экономической теории взгляд на человека совсем другой. Особенно это проявляется в так называемой новой институциональной экономической теории с ее понятием оппортунистического поведения, которое якобы свойственно людям и которое связывается с коварством, ложью, воровством и мошенничеством [20, с. 97].

Экономический либерализм и профессия экономистов: об истории возникновения экономического мейнстрима

Важнейшие мировоззренческие стандарты, в соответствии с которыми функционирует современная экономическая дисциплина, были заложены французской школой физиократов, возглавляемой Франсуа Кенэ (1694–1774). Придворный врач французского королевского двора Франсуа Кенэ никогда не проводил никаких эмпирических исследований, тем более в форме дьюиских исследований-расследований, построения его были чисто умозрительными. Приступив к написанию своих экономических трудов в возрасте старше 60 лет, он основывался при этом на своих знаниях врача относительно функционирования человеческого организма (экономика как организм, товары и деньги как кровь в социальном организме) и на своей вере в существование универсальных экономических законов, аналогичных закону всемирного тяготения, сформулированному Ньютоном. Физиократы назвали себя «экономистами» и первыми стали использовать термин «экономическая наука», которая, по их мнению, должна заниматься исследованием экономических законов, сформулированных в виде количественных моделей [34, р. 71]. Экономика не рассматривалась физиократами как практика, откуда дуализм теория-практика и оторванность первой от второй. Вот что пишет об этом дуализме Дьюи: «Его парализующий эффект на человеческую деятельность можно увидеть в той роли, которую он сыграл в восемнадцатом и девятнадцатом веках, воплотившись в теории „естественных законов“ в человеческих делах, в социальных вопросах. Утверждалось, что эти естественные законы являются по своей сути фиксированными; а наука, изучающая общественные явления и отношения, должна заниматься их открытием. После того, как эти законы оказываются выявленными, для людей не остается ничего другого, как только вести себя им

подчиняясь, так как законы эти должны были править их поведением точно так же, как физические законы управляют физическими явлениями. Они рассматривались как единственные стандарты поведения в экономических делах, законы экономики [в соответствии с этой доктриной] являются „естественными“ законами всех политических действий; все другие законы являются искусственными, человеческими изобретениями в отличие от нормативных правил самой природы. Политика *laissez-faire* была логическим заключением [таких рассуждений]. Попытки в организованном обществе регулировать ход экономических дел с тем, чтобы направить их на службу гуманистически понимаемых целей, рассматривались как вредные вмешательства, создающие помехи [протеканию естественных законов]» [31, р. 211–212]. Таким образом, Дьюи объясняет связь между доктриной экономического либерализма, авторами которой были физиократы, и их онтологическими взглядами на социальную реальность.

Следующий шаг в развитии экономического либерализма был сделан Адамом Смитом. Вот что писал Дьюи о его теории: «[С]вободные экономические процессы порождают бесконечную спираль увеличивающихся изменений, и, направляемые «невидимой рукой» (эквивалент доктрине заранее установленной гармонии, столь распространенной в XVIII веке), усилия индивидуумов по увеличению личного благосостояния слагаются и идут на пользу обществу, создавая все более тесную взаимозависимость интересов. Идеи и идеалы новой политической экономии совпали с ростом промышленности, характерным для Англии еще до изобретения паровой машины, и распространились довольно быстро. Их влияние еще более усилилось после великой промышленной и коммерческой экспансии Англии, сопровождавшейся заменой ручного труда механическим, сначала в текстильной промышленности, а затем и в других областях. Под влиянием промышленной революции старые идеи, направленные против политических действий как социального фактора, приобрели новое толкование. Подобные действия воспринимались уже не как посягательство на индивидуальную свободу, но как заговор против социального прогресса. Идея Локка о естественных правах приобрела более конкретное и более практическое значение. Естественные права по-прежнему воспринимались как более фундаментальные, чем права искусственные, изобретенные человеком. Однако такие

естественные права утратили свойственное им ранее моральное осмысление и идентифицировались с правами на свободное промышленное производство и свободный торговый обмен. Эти более поздние идеи не принадлежат Адаму Смиту. Он позаимствовал их у французских физиократов, которые, судя по названию, верили в то, что общественными отношениями руководит естественное право, и которые идентифицировали естественное право с экономическим» [5, с. 60; 33, р. 19–20].

Книга Адама Смита была переведена на французский язык и получила во Франции широкое распространение [35]. Жан-Батист Сэй способствовал распространению ее идей в этой стране. Американский историк Элизабет Сейдж в своей книге «Сомнительная наука. Политическая экономия и социальный вопрос во Франции XIX-го века» пишет, что французские промышленники, ставшие с развитием капитализма наиболее влиятельной социальной группой, нашли в произведениях Смита и Сэя «оправдание правомерности их деятельности, утверждение их материального богатства и „научную“ поддержку принципов *laissez-faire* и правительственного невмешательства» [38, р. 23]. Такое оправдание и поддержка стали необходимыми из-за того, что ранний капитализм породил так называемый «социальный вопрос» (*la question sociale*). Под социальным вопросом понималось большое количество явлений, связанных с плохим положением рабочих и их семей и их протестной деятельностью против этого положения. Французские экономисты увидели для себя хорошие возможности профессионализации своей дисциплины, связанные с актуальностью социального вопроса. Для того, чтобы получить «научный статус и власть», дисциплина «ограждала себя от нежелательного знания», «возвышала определенные типы знания и дисквалифицировала другие» [38, р. 6]. Нежелательное знание касалось прежде всего социального вопроса: «Именно промышленники предлагали описания социального вопроса и предложения по его решению, которые экономисты изучали, продвигали и интегрировали в свою науку» [38, р. 7]. При этом они опирались на фиктивных «ими придуманных Адама Смита и Жана-Батиста Сэя» [38, р. 19], игнорируя в их учениях все, что противоречило бы принципу *laissez-faire*. Содержание их статей и книг определялось «их желанием защитить социальный порядок и страхом перед социализмом» [40, р. 777].

С тех пор мировоззренческая система, активно навязываемая ортодоксальными эконо-

мистами обществу, сопровождала и поддерживала капиталистический социальный порядок. Эта система представляет собой видение социального мира с точки зрения торговца, при котором он состоит исключительно из продавцов и покупателей. Это видение излагалось в трактатах классической политической экономии, и это же видение было представлено Джевонсом и Вальрасом в математической форме, взятой у термодинамики [11], что придало этому видению видимость научности. Книга профессора экономики Университета Дьюка Э. Роя Вайнтрауба, называемая «Как экономика стала математической наукой» [41], проливает свет на источник этой «научности». Отметив особую роль математики в Кембриджском университете, где стартовал институт экономики, автор обращает внимание на то, что в послевоенный период два американских академических сообщества, математическое и экономическое, тесно взаимодействовали друг с другом. Культуры двух сообществ с их априорным подходом были вполне совместимы, и результатом стало «обогащение» культуры сообщества экономистов культурой сообщества математиков. Последняя характеризуется вот уже несколько десятилетий, в частности, *отсутствием обязательности и необходимости непосредственной связи своих теоретических (математических) построений с реальностью*. Филип Дэвис и Рубен Хэрш на базе включенных наблюдений и интервью с математиками написали книгу об этой профессии под названием «Математический опыт» [28]. Вот как, по их мнению, ответил бы «идеальный математик» на вопрос «Имеют ли какой-нибудь смысл вне сообщества математиков теоремы, доказываемые математиками?»: «Как мы, как математики, доказываем аутсайдеру-скептику, что наши теоремы имеют смысл в мире за пределами нашего собственного братства? Если такой человек принимает нашу дисциплину, и проходит через два или три года магистратуры в области математики, он впитывает в себя наш образ мышления, и больше не является критическим аутсайдером, которым он когда-то был. Таким же образом, критик сайентологии, который подвергся нескольким годам „обучения“ признанными в сайентологии „авторитетами“, вполне может стать верующим в нее, вместо того чтобы быть ее критиком» [28, р. 34–44]. Аналогично мог бы быть охарактеризован и идеальный современный ортодоксальный экономист¹.

¹ См. более подробно в гл. 6 моей книги [8, с. 144–149].

Немецкая историко-этическая школа Густава Шмоллера и начало иной экономической науки

В конце XIX века традиции экономической мысли, идущей от физиократов и Смита, был брошен вызов со стороны Немецкой историко-этической школы. Можно с уверенностью сказать, что в своих исследовательских практиках они решительно порвали с разделением теории и практики, необходимость тесной связи между которыми позже пропагандировал и обосновывал Дьюи, но основывались при этом не на прагматизме Чарльза Пирса, который был в Германии того времени не очень известен, а на своей отечественной философской традиции, родственной прагматизму – герменевтике Фридриха Шлейермахера и Вильгельма Дильтея. При этом немецкие экономисты естественным образом поместили в центр своих теоретических построений понятия, аналогичные прагматистским понятиям «правил-привычек» и «верований-убеждений». Их исследовательские практики полностью соответствовали прагматистской концепции исследования-расследования. Столкновение старой французско-английской и новой немецкой традиций получило в экономической литературе название «спора о методах» (*Methodenstreit*). Старт этому спору был дан публикацией статьи главы Немецкой историко-этической школы Густава Шмоллера «К методологии общественно-политических и социальных наук» [21]. Эта статья фактически представляет собой развернутые рецензии на две книги: одна из них книга экономиста Карла Менгера «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности» [14] и другая — философа Вильгельма Дильтея «Введение в науки о духе» [4]. Очень показательно, что первая из них была в статье полностью раскритикована, а вторая, наоборот, получила очень высокую оценку. Кратко охарактеризуем содержание спора между Менгером и Шмоллером.

По Менгеру, изучать нужно обмен между индивидуальными хозяйствами, которые вместе составляют народное хозяйство. По Шмоллеру, экономические органы/организации и институты составляют скелет экономического тела, и изучать нужно именно их. Кроме того, он считал, что необходимо изучать мнения и намерения людей и прежде всего властителей, так как социальная реальность есть не что иное, как проявление коллективной воли. Для главы австрийской экономической школы Менгера результатом исследований должны быть универсальные законы, касающиеся экономического обмена,

действующие с небольшими поправками в любую эпоху и для любых народов. Лидер немецкой историко-этической экономической школы считал, что максимум, на что экономист-исследователь может рассчитывать, — это понимание того, что происходит в данном месте (страна) и в данное время (эпоха). Так как реальность, по Шмоллеру, исторична, то понимание прошлого может помочь в понимании настоящего. Вывод универсальных законов, по Менгеру, должен происходить дедуктивным способом на основе абстрактных построений и упрощенных предположений. Он следует той точке зрения, что цель теоретических наук — господство над реальным миром. Понимание экономической реальности по Шмоллеру, которое не ставит своей целью господство, может быть достигнуто путем досконального описания функционирования экономических организаций и институтов, совокупности правил, которым люди следуют, а также религиозных (идеологических) систем, в которые они верят. Эти описания должны служить базой для детального анализа с целью построения концепций и обобщений, могущих вести к возникновению теории. Менгер считал абсолютно недопустимым смешение теоретических и прикладных исследований. Для него это было эквивалентно смешению, например, теоретической химии с химической технологией. Исследования Шмоллера были направлены на сугубо практические цели проведения социальных реформ в Германии, в которых он сам лично активно участвовал. Наконец, менгеровская экономическая наука является абсолютно самодостаточной, все положения, например о поведении людей, она вырабатывает (постулирует) сама, не прибегая к помощи других наук, таких как психология и антропология. Шмоллер критиковал Менгера за то, что тот, по-видимому, не знал крупных новых для того времени успехов эмпирической и философской психологии, языкознания, философии, права и этики, которые уже так сильно способствовали открытию тайн индивидуальной умственной жизни и психических массовых явлений, что игнорировать их экономистам совершенно нельзя. Шмоллер особенно выделял психологию и антропологию как основу для всех других гуманитарных наук. Он считал, что только на основании психологии и антропологии, через науки о культуре и организации общества, можно решить проблему познания исторической связи последовательных общественных состояний [21].

На первый взгляд может показаться удивительным, насколько видения социальной реальности и способов ее познания у Шмоллера

и Дьюи практически совпадали. Но на самом деле ничего удивительного в этом нет, ключом к пониманию этого совпадения является решительный отказ и того и другого от дуализма теория-практика.

**Продолжение иной экономической науки:
институциональная экономика Джона Коммонса**

Институциональная экономика Джона Коммонса [26], как направление экономической мысли [9; 10] и как исследовательская практика [17; 18], была основана на идеях прагматизма [12; 13]. Точно так же, как немецкие экономисты — члены историко-этической школы, американские институционалисты первой половины XX века отбрасывали как экономический либерализм, так и марксизм. Они были убежденными сторонниками постепенных институциональных преобразований, основанных на детальном исследовании-расследовании тех элементов социально-экономической реальности, которые необходимо реформировать¹. Постепенность эта определяется тем, что институты, в основе которых лежат правила-привычки и верования-убеждения, неизбежно являются инерционными. На смену привычек и убеждений нужны время и кропотливая работа в области образования-воспитания, в центре которого должна быть организация коллективного обдумывания-обсуждения. Без этого вновь введенные формальные нормы будут либо отторгнуты, либо искажены с самыми плачевными, а иногда и трагическими, последствиями. Прагматизм Дьюи пропагандировал именно это: «Традиционная социальная мысль, говорил Дьюи, обычно фиксирует различного рода дуализмы и антагонизмы, а затем занимается их разрешением. Типичная ее проблематика — дихотомия индивидуального и социального. На самом деле дихотомичная постановка проблемы — наследие аисторической традиции. Общество — это абстракция, охватывающая множество институтов и выполняемых людьми ролей. В своем функционировании они могут порождать дисбалансы, конфликты, ущемление прав личности и другие проблемные ситуации. Для их устранения требуется не теоретизирование по поводу дихотомий, а инженерная работа, как это принято в экспериментальных науках. Институты общества постоянно должны находиться в состоянии реформирова-

ния и модификации» [22, с. 178 — 179]. Вот как видел Дьюи эту инженерную работу и разделение труда в ней между экспертами и ответственностью: «Любое экспертное управление, при котором массы не получают возможности информировать экспертов о своих потребностях, есть не что иное как олигархия, правящая в интересах меньшинства... Иными словами, насущной потребностью общественности является совершенствование методов и условий проведения дебатов, обсуждения вопросов и убеждения граждан. В этом и состоит основная проблема общественности ... Успешность решения данной задачи, в сущности, зависит от раскрепощения и усовершенствования исследовательских процессов и распространения выводов, полученных в результате данных исследований. Само же исследование является задачей, целиком лежащей на плечи экспертов. Но демонстрировать свои особые знания и умения эксперты должны не на ниве формирования и осуществления политических стратегий, а в области обнаружения и популяризации тех фактов, от знания которых зависит любая политика... Нет никакой необходимости в том, чтобы знаниями и умениями, требующимися для осуществления соответствующих исследований, обладали многие члены общества; достаточно, чтобы эти многие были в состоянии судить о том, какое значение имеет добытое другими знание для общества в целом» [7, с.151 — 152]. В этом и состоят основные идеи варианта либерализма, развиваемого Джоном Дьюи.

Институциональная экономика Джона Коммонса идет по этому же пути: «Аутсайдер, интеллектуал, политик никогда не смогут достичь [в своих суждениях] уровня обоснованности [непосредственных участников изучаемой деятельности], потому что они никогда не смогут знать по опыту все факты, которым должно быть уделено должное внимание в построении плана действий. Когда работодатели и работники понимают друг друга и стремятся не только к власти, но к разумным, в данных обстоятельствах, решениям, им не нужны аутсайдеры, сколько бы они не могли полагаться на них в других вопросах. Только тогда, когда они основывают свои взаимодействия друг с другом на силе, власти и напоминании о своих неотъемлемых правах, аутсайдеры могут быть полезны. Правильная роль «интеллектуала» или эксперта, это быть агентом, а не принципалом. Принципиалами в промышленности являются объединенные работодатели и объединенные наемные работники. Экспертами

¹ Недаром один из вариантов посмертно изданной книги Коммонса «Экономика коллективного действия» [25] был назван «Расследовательская экономика» (Investigational Economics) [27].

являются адвокаты, статистики, бухгалтера, экономисты, посредники, советники, агенты, короче говоря, те, которых нанимают принципалы. Принципалы определяют то, что должно быть сделано, а их агенты выполняют это. Агент становится экспертом, потому что он является специалистом, и это означает, что он знает только детали небольшой части всех фактов, которые должны быть взвешены при принятии решения. Если принципалы отрекутся от принятия решений, и управление экспертами займет их место, то результат будет не менее произвольным и принудительным, чем другие формы авторитаризма. Это может выглядеть, так сказать, «научно», но под именем науки будет скрываться незнание фактов, относящихся к другой науке. Ни один человек и никакая категория лиц, какими бы экспертами они не были, не может действительно представлять в должной пропорции все сталкивающиеся интересы, которые должны быть согласованы в принятии окончательного решения. Только носители этих интересов, то есть, принципалы, и должны решать» [24, р. 176–177].

Немецкая историко-этическая школа и американский исходный институционализм внесли решающий вклад в развитие систем социального страхования в своих странах. В отличие от немецких экономистов, американские институционалисты намеревались продвигать социально-политико-экономические реформы намного дальше, чем простое введение государственной системы социального обеспечения. Однако им не удалось на практике сколь-нибудь существенно продвинуться в этом направлении. И все из-за мощного сопротивления со стороны владельцев капиталов. Профессор экономики Университета Миссури-Канзас-Сити (УМКС) Фредерик Ли провел исследование-расследование для того, чтобы понять причины послевоенного исчезновения американского исходного институционализма, как и некоторых других неортодоксальных направлений экономической мысли. Результаты этого исследования-расследования он отразил в своей книге «История неортодоксальной экономики» [37]. Выводы его были таковы: «Итогом политических репрессий послевоенных лет вместе с репрессивным господством неоклассиков стало практически полное подавление марксистской экономической теории и непрерывное падение, ведущее к вымиранию, институциональной экономики» [37, р. 40]. Осуществлялись эти репрессии с помощью ФБР: «Повсюду в Соединенных Штатах как администрация, так и преподаватели уни-

верситетов ... считали, что „чрезмерная“ академическая свобода недопустима и должна быть ограничена тем, что обычно считается социально приемлемым ... администраторы активно сотрудничали с ФБР и во многих случаях просили ФБР проверять как вновь нанимаемых преподавателей, так и тех, кто уже числился в штате, а также давать рекомендации администрации при найме и увольнении преподавателей. Преподаватели не сопротивлялись (а если и сопротивлялись, то не очень сильно) таким действиям университетской администрации по разным причинам, включая то, что некоторые сотрудники были членами Американского легиона и информаторами ФБР, а другие опасались репрессий со стороны администрации. Более того, многие из профессиональных ассоциаций, к которым ученые принадлежали, такие как Американская антропологическая ассоциация и Американская экономическая ассоциация (АЕА), либо сотрудничали с ФБР, либо, как Американская ассоциация университетских профессоров, были намеренно пассивны и неэффективны ... ФБР следило за тем, чтобы радикал, уволенный из одного университета, не был бы принят на работу в другом университете» [37, р. 36–37].

Российским экономистам, университетским преподавателям экономической теории стоило бы задуматься о том, что они преподают ту версию их дисциплины, которая получила статус мейнстрима с помощью ФБР. Сам Джон Дьюи также был подвержен слежке агентов этой организации [23].

О необходимости возрождения исходного институционализма¹

Подведем итоги и дополним вышесказанное. В конце XIX века возникло направление философии, радикально отличающееся от всех созданных до этого, — прагматизм. Важнейшей чертой этого направления было то, что оно отталкивалось от естественнонаучных практик, возникших после научной революции второй трети XVII века. Практики эти являются прежде всего экспериментальными, которые были институционализированы с созданием в 1660 году Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе (The Royal Society of London for the Improvement of Natural Knowledge). Основатель прагматизма, Чарльз Пирс считал, что прагматист должен быть

¹ Более подробно об исходном институционализме см. [8]. Исследование, проведенное мной, восстанавливающее традиции исходного институционализма, отражено в [42].

«склонен думать обо всем так, как думают в лаборатории, а именно как о деле эксперимента» [16, с. 296]. Философия, по Дьюи, должна учиться у естественных наук: «Философия должна прислушаться к школе естественных наук, она не должна опираться ни на какие данные, которые бы она не получила из их рук; и она не должна соглашаться внутри себя ни с каким методом исследования или размышления, который не был бы сродни тем, которые используются ежедневно в естественных науках»¹. Можно сказать, что философия Дьюи есть воплощение деятельностного подхода. Для Дьюи действие «не есть внешнее следствие неизменных рациональных принципов и некоего предварительного обдумывания с целью максимизации полезности или удовлетворения; действие всегда связано с исследованиями-расследованиями (сбором информации, обследованьями, дознаниями), которые нацелены на то, чтобы перейти от проблемных ситуаций неопределенности и сомнения к ситуациям, при которых эти проблемность, неопределенность и сомнения уменьшились бы»² [3, с. 10].

Дьюи считал, что человечество больше всего нуждается в способности суждений на основании фактов³. «Мы нуждаемся, — писал он, — развить способность (и склонность) искать специфические (*particular*) виды решений с помощью особых (*particular*) методов для конкретных (*particular*) проблем, возникающих в отдельных (*particular*) случаях» [32, р. 53]. Такой подход позволяет избежать как крайнего радикализма, так и крайнего консерватизма, общей слабостью которых, по мнению Дьюи, является «их зависимость от огульных обобщений». Радикализм придерживается точки зрения, что все существующие институты — зло, и от них нужно отказаться, а консерватизм считает, что все институты в основном разумны, если только

мы «откроем и будем придерживаться их изначального смысла». И тому, и другому, считал Дьюи, «не удастся сфокусироваться на конкретных проблемах, возникающих из опыта, что позволяет захоронить эти проблемы под огульными обобщениями» [32, р. 53]. Дьюи характеризовал свою философию тремя важными чертами: акцент на экспериментировании (идеи проверяются в их практическом применении); акцент на изучении индивидуальных событий (изучаются отдельные случаи в конкретных ситуациях, отказ от предложения панацей или открытия универсальных законов); акцент на применении знания для социальных изменений (знания используются для решения конкретных проблем путем изменений и необязательно разрушения существующих институтов) [32, р. 58]. Отличие своей философии от других Дьюи видел в следующем: «Раньше социальные философии были общими, абстрактными и идеалистическими. Они строили свои аргументы вокруг таких общих концептов, как индивидуализм, социализм, коммунизм. Они прибегали к таким огульным обобщениям, как «правительство полезно», «правительство бесполезно» или «институт частной собственности плох». Современная социальная философия избегает таких доктринерских позиций. Она имеет дело с индивидуальными случаями, с конкретными событиями и со связью между индивидуальными случаями и обобщениями. Ее задача — формулирование пробных общих принципов из расследования (*investigation*) подобных индивидуальных случаев, а затем проверка обобщений путем их применения к еще имеющим место другим случаям» [32, р. 61]. Как выразился Дьюи, «прогресс — это розничный бизнес, а не оптовый. Он осуществляется постепенно, а не сразу» [32, р. 62]. Изменения осуществляют конкретные люди здесь и сейчас на основе знаний, полученных и верных также здесь и сейчас.

Вот именно так, можно сказать «по Дьюи», и действовали представители немецкой историко-этической школы и американского исходного институционализма. Поэтому их экономическую науку и можно назвать прагматической. В конце предыдущего раздела мы видели, каким образом эта экономическая наука исчезла. Потребность в ее восстановлении огромна, однако профессия экономистов, причем как в ее ортодоксальной части (мейнстрим), так и в стане гетеродоксов (марксисты, кейнсианцы и институционалисты вебленского толка), по-прежнему опирается на абстракции и огульные обобщения и совершенно не приспособлена способствовать решению

¹ Цитируется по: [3, с. 14].

² Герберт Саймон разработал свою схему ограниченной рациональности под влиянием одной достаточно ранней работы Дьюи [29, р. 72] (см. [36, р. 9]). Однако Саймон обидел Дьюи, оставшись в рамках индивидуализма.

³ Заметим, что традиция «науки политической экономии», как это провозгласил Дж. С. Милль, как раз противоположна: «В определении предмета, которое мы попытались сформировать для науки политической экономии, мы характеризовали ее как по существу абстрактную науку и ее метод как — метод *arguiri*. Такой [метод] в понимании и преподавании [другим] всех самых выдающихся учителей, несомненно, является отличительной чертой [политической экономии]. Она ведет рассуждения и, как мы утверждаем, обязательно должна вести рассуждения от предположений, а не от фактов» [15, с. 60–61].

конкретных жгучих социально-экономических проблем путем детального изучения конкретных случаев. Это, так сказать, в эпистемологическом плане. Что касается онтологии, к которой апеллирует сообщество экономистов, то ситуация ничуть не лучше. Нынешние экономисты никак не могут понять, что единственным источником социальных регулярностей является следование индивидуумов из определенного сообщества правилам-привычкам, принятым в этом сообществе. Эти правила-привычки связаны с лежащими в их основе верованиями-убеждениями, которые фиксируются, а иногда и ставятся под сомнение в дискурсах индивидуумов. Откуда следует, что для выявления социальных регулярностей необходимо изучение этих дискурсов. Ограничиваясь изучением количественных экономических данных, экономисты попадают в ловушку «овеществления» человеческих взаимодействий и изучают их результаты вместо того, чтобы изучать сами эти взаимодействия. Обдумывания-обсуждения, циркулирующие в определенном сообществе, связанном с исследуемой проблемой, с одной стороны, должны быть объектом изучения (исследования-расследования), а с другой стороны, если они направляются определенным образом, в том числе и через образование и воспитание, могут стать важным инструментом институциональных изменений.

Экономисты, либерализм и социальное действие

Идущий от физиократов и Смита канон экономической науки предполагает поведенческую гипотезу, выражаемую метафорой «экономического человека», а гипотеза относительно взаимодействия людей, также на метафорическом уровне, представляется в виде столкновения независимых атомистических экономических агентов [2, с. 6]. В своей работе «Либерализм и социальное действие» Джон Дьюи подверг резкой критике как ту, так и другую гипотезу. Идеи этой книги Дьюи являются сейчас не менее актуальными, чем во время ее публикации более восьмидесяти лет тому назад. В ее разделе под названном «Кризис либерализма» Дьюи характеризует экономиста Дж. С. Милля как представителя «раннего либерализма»: «Убеждения и методы раннего либерализма оказались неэффективными, столкнувшись с проблемами социальной организации и интеграции. Их неадекватность во многом и вызвала распространенное в настоящее время убеждение, что весь либерализм является устаревшей доктриной» [33, р. 37]. Говоря о Милле, Дьюи замечает, что утилитаристы до-

бавили к абстракции экономического человека абстракцию правового и политического человека, однако, так и не смогли коснуться самого человека [33, р. 38].

Кризис либерализма, который имел место, когда писалась книга «Либерализм и социальное действие» (1935 г.), но который, на самом деле, сохраняется и по сей день, Дьюи характеризует следующим образом: «Есть еще люди, кто называют себя либералами, которые определяют либерализм в терминах старого противопоставления области организованного социального действия и области чисто индивидуальных инициативы и усилий. Во имя либерализма они ревниво оберегают [общество] от любого расширения правительственной деятельности. Они могут неохотно уступать необходимости специальных мер защиты и облегчения [положения трудящихся], предпринимаемых государством в периоды большого социального напряжения, но они являются закоренелыми врагами социального законодательства (даже запрещения детского труда) в качестве постоянных мер политического курса. Вольно или невольно, они по-прежнему обеспечивают интеллектуальную систему апологетики для существующего экономического режима, который они, как ни странно и иронически это может показаться, отстаивают как режим индивидуальной свободы для всех» [33, р. 35].

Джон Дьюи внес существенный вклад в развитие такой версии либерализма [39], которая резко противостоит либерализму экономическому. Свой либерализм, который находил массовую поддержку и определял государственную политику США во времена правления администрации президента Франклина Рузвельта, Дьюи поясняет так: «Большинство, кто называет себя либералами сегодня, придерживается принципа, что организованное общество должно использовать свои полномочия по созданию условий, при которых масса людей может обладать фактической, в отличие от чисто юридической, свободой. Они определяют их либерализм конкретно в терминах программы мер, движущих [общество] в этом направлении. Они считают, что концепция государства, которая ограничивает его деятельность поддержанием порядка в отношениях между индивидами и обеспечением возмещения [ущерба] одного человека, когда другой человек нарушает его свободу, которая дарована ему существующим законом, является по существу оправданием жестокости и неравенства, имеющих место в рамках существующего порядка» [33, р. 35]. Сторонниками именно

такого дьюиского либерализма и были американские экономисты-институционалисты.

Решимость Франклина Рузвельта осуществить либеральный проект Джона Дьюи прозвучала за год до смерти президента в его радиовыступлении 11 января 1944 г. Этот проект получил название второго, или экономического, «Билля о правах». Вот как он сформулировал этот проект: «Наша республика возникла и затем выросла в могущественную державу благодаря неотъемлемым правам граждан, к числу которых относятся свобода слова, свобода печати, свобода вероисповедания, право на суд присяжных, гарантия от необоснованного обыска и ареста. Все вместе они составили наше право на жизнь и свободу. Однако постепенно мы стали все яснее осознавать, что подлинная свобода отдельной личности невозможна без экономической безопасности и независимости. Нужда и свобода несовместимы. Массы голодных и безработных — эта та почва, на которой вырастают диктатуры. В наше время эти истины стали самоочевидными. Мы, можно сказать, приняли еще один „Билль о правах“, на основе которого можно построить безопасность и благосостояние для всех, независимо от социального положения, расы и вероисповедания. Вот основные из этих прав:

- право на полезную и оплачиваемую работу в промышленности, торговле или сельском хозяйстве страны;
- право на доход, достаточный для покрытия потребностей в пище, одежде и отдыхе;
- право фермеров реализовывать свою продукцию по ценам, обеспечивающим их семьям достойную жизнь;
- право каждого предпринимателя — крупного или мелкого — вести бизнес в условиях, исключающих несправедливую конкуренцию или засилье монополий внутри страны или за границей;
- право каждой семьи на достойное жилище;
- право на полноценное медицинское обслуживание, на реальную возможность приобрести и сохранить хорошее здоровье;
- право на достаточное экономическое обеспечение в старости и в болезни, страхование от несчастных случаев и безработицы;
- право на хорошее образование» [19, с. 350–351].

Рузвельт в своем радиообращении заявил: «Я прошу Конгресс найти средства провести в жизнь экономический „Билль о правах“. Сделать это — прямая обязанность Конгресса, и народу об этом известно. Многие из пере-

численных проблем уже поставлены перед комиссиями Конгресса в виде законодательных предложений. Я буду поддерживать связь с Конгрессом, следить за их судьбой. Если не будет выработано достаточно полной программы движения к намеченным экономическим и социальным целям, страна обязательно об этом узнает» [19, с. 352]. Однако после смерти Франклина Рузвельта движение в США в сторону реализации этого проекта было приостановлено, а затем, не без помощи ортодоксальных экономистов, повернуто вспять. На самом деле провести в жизнь экономический «Билль о правах» в рамках существующей политической системы было просто невозможно.

Либеральный проект Джона Дьюи предусматривал кардинальное изменение всего социального порядка. Ядром этого нового либерального социального порядка должно было стать то, что уже после смерти Дьюи стали называть делиберативной (совещательной) демократией¹, в рамках которой роль экспертов, в том числе и экономистов, очень велика, но ни в коей мере не сводится к обслуживанию только представителей правительства и бизнеса. Мало того, она состоит не в подготовке «рекомендаций» на основе каких-то теорий, как это имеет место в настоящее время, а в проведении исследований-расследований функционирования действующих институтов и доведении результатов этих исследований до широкой общественности, в том числе и через средства массовой информации. Можно сказать, что основной задачей экономистов-исследователей в этой системе становится институциональный мониторинг. Дьюи четко отдавал себе отчет в том, что движение к такому либеральному социальному порядку требует изменений в системе образования. Экономисты-преподаватели также могут сыграть важную роль в этом движении. Демократия должна трактоваться в их курсах по Дьюи, то есть как образ жизни народа, а не как воплощение политического рынка, где политики являются продавцами, а избиратели — покупателями политико-социально-экономических обещаний. Дьюи считал, что «демократия — нечто большее, чем просто определенная форма правления. Прежде всего, это форма совместной жизни, форма взаимообмена опытом» [6, с. 85].

¹ Делиберативная демократия (*deliberative democracy*) предполагает вовлечение рядовых граждан, затронутых определенной проблемой, в обдумывание-обсуждение (*deliberation*) и участие в принятии решений по этой проблеме.

В первом разделе статьи я уже упоминал, что наряду с понятием исследования-расследования (*inquiry*) Дьюи использовал понятие «интеллектуальный поиск» (*intelligence*). По его мнению, «кризис либерализма связан с отказом от выработки и использования адекватного понимания интеллектуального поиска, интегрированного в социальные движения, как фактор, дающий им направление» [33, р. 51]. Он писал: «Социальное и историческое исследование на самом деле является частью самого общественного процесса, а не чем-то вне его. Следствием непринятия во внимание этого факта является то, что выводы социальных наук не были (и до сих пор в значительной мере не являются) интегральными частями программы социального действия. Когда выводы исследований-расследований, касающиеся человека, остаются вне программы социального действия, социальная политика обязательно остается без руководства, которое знание о человеке может обеспечить. И такое обеспечение нужно осуществлять, если мы не хотим, чтобы социальное действие направлялось бы либо просто прецедентом, либо интуицией отдельных умов. Социальная концепция природы и функционирования интеллектуального поиска до сих пор незрела; и как следствие этого, ее использование в качестве руководства для социального действия является рудиментарным и носит спорадический характер. Трагедией раннего либерализма является то, что как раз в то время, когда проблема социальной организации была наиболее актуальной, либералы не смогли использовать для ее решения ничего, кроме концепции интеллектуального поиска, рассматривающей его как чисто индивидуальный процесс» [33, р. 51–52]. Несмотря на то, что с момента написания этих строк прошло более 80 лет, положение с массовым непониманием социальной природы порождения и использования знания мало в чем изменилось. Это касается в частности такой важнейшей социально-экономико-политической проблемы, как институциональные изменения.

Дьюи предупреждает об ошибочном способе проведения институциональных изменений и дает ключ к их успешному осуществлению: «Когда индивид или коллектив сталкиваются с какой-либо простой или сложной проблемой, то первым делом делается попытка решить ее на основе знания, накопленного на основании прошлого опыта, а также следуя уже сформированным правилам-привычкам. Однако, при возникновении новых условий, и знания, и правила-привычки должны быть модифицированы. Когда дело касается коллективных проблем, правила-привычки, имеющие к этому отношению, представляют собой традиции и институты. Постоянная опасность при этом состоит в том, что либо эти традиции и институты будут действовать неявно, без реконструкции с тем, чтобы соответствовать новым условиям, либо что будет осуществлён нетерпеливый и слепой бросок вперед, направленный только некоторой догмой, которой [осуществляющие институциональные изменения] будут жестко придерживаться. Обязанность интеллектуального поиска при возникновении проблемы у отдельного лица либо сообщества состоит в том, чтобы осуществить рабочую связь между старыми привычками, обычаями, институтами, верованиями и новыми условиями. То, что я назвал посреднической функцией либерализма, совпадает с работой интеллектуального поиска. Этот факт является основой, осознаем мы это или нет, особого значения, которое либерализм придает роли освобожденного интеллектуального поиска как метода, направляющего социальное действие» [33, р. 56]. Такой интеллектуальный поиск не был проведен экономистами вместе с общественностью в России конца 1980-х — начала 1990-х годов. Такой интеллектуальный поиск, как важную часть социального действия, направленного на институциональные изменения, российские экономисты вместе с общественностью должны начать проводить сейчас.

Список источников

1. Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. — СПб.: «Экономическая школа», 1998. — 230 с
2. Автономов В. С. Абстракция — мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики) // Вопросы экономики. — 2013. — № 4. — С. 4 — 23.
3. Гаррета Г. Наука, этика и общество: Дьюи и прагматистское исследование-расследование // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2015. — Т. 15. — Вып. 3. — С. 5–30.
4. Дильтей В. Введение в науки о духе // Собрание сочинений в шести томах. — Т. 1. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. — 763 с.
5. Дьюи Дж. Либерализм и социальные действия: пер. В. Нагдасевой // Демократия и XX век: хрестоматия по курсу гражданского образования для педагогических университетов. — Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гуманитар. центра, 1997. — С. 55–70.

6. Дьюи Дж. Демократия и образование: пер. с англ. — М.: Педагогика-Пресс, 2000. — 384 с.
7. Дьюи Дж. Общество и его проблемы. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 160 с.
8. Ефимов В. М. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. — М.: КУРС: ИНФРА-М, 2016. — 352 с.
9. Коммонс Дж. Правовые основания капитализма. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. — 414 с.
10. Коммонс Дж. Институциональная экономика // *Terra Economicus*. — 2012. — Т. 10. — № 3. — С. 69–76.
11. Майровски Ф. Физика и «маржиналистская революция» // *Terra Economicus*. — 2012. — Т. 10. — № 1. — С. 100–116.
12. Майровски Ф. Философские основания институционалистской экономики (Часть 1) // *Terra Economicus*. — 2013а. — Т. 11. — № 2. — С. 82–93.
13. Майровски Ф. Философские основания институционалистской экономики (Часть 2) // *Terra Economicus*. — 2013б. — Т. 11. — № 3. — С. 72–88.
14. Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Основания политической экономии. — М.: ИД «Территория будущего», 2005. — С. 289–495.
15. Милль Дж. С. Об определении предмета политической экономии и о методе исследования, свойственной ей // *Философия экономики: антология под ред. Д. Хаусмана*. — М.: Издательство Института Гайдара, 2012. — С. 55–76.
16. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения: пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. — М.: Логос, 2000. — 448 с.
17. Резерфорд М. Висконсинский институционализм: Джон Р. Коммонс и его студенты // *Terra Economicus*. — 2012а. — Т. 10. — № 2. — С. 32–53.
18. Резерфорд М. Полевые, тайные и включенные наблюдатели в американской экономике труда: 1900–1930 годы // *Terra Economicus*. — 2012б. — Т. 10. — № 4. — С. 91–106.
19. Рузвельт Ф. Д. Беседы у камина. — М.: ИТРК, 2003. — 408 с.
20. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма. — СПб.: Лениздат, 1996. — 702 с.
21. Шмоллер Г. К методологии общественно-политических и социальных наук // *Terra Economicus*. — 2011. — Т. 9. — № 3. — С. 31–49.
22. Юлина Н. С. Философская мысль в США: XX век. — М.: «Канон+», 2010. — 600 с.
23. Veineke J. A. The Investigation of John Dewey by the FBI // *Educational Theory*. — 1987. — Vol. 37. — No. 1. — P. 43–52.
24. Commons J. R. *Industrial Goodwill*. — New York: McGraw, 1919. — 213 p.
25. Commons J. R. *The Economics of Collective Action*. — New York: The Macmillan Company, 1950. — 414 p.
26. Commons J. R. *Institutional Economics. Its Place in Political Economy*. — New Brunswick: Transaction Publishers, 1990. — 921 p.
27. Commons J. R. *Investigational Economics* // Samuels W. J. (ed.) *Research in the History of Economic Thought and Methodology. Archival Supplement 7*. — Greenwich, Connecticut: JAI Press Inc., 1998. — P. 39–326.
28. Davis Ph. J., Hersh R. *The Mathematical Experience*. — Boston: Birkhauser, 1981. — 440 p.
29. Dewey J. *How We Think*. — Boston: D.C. Heath, 1910. — 228 p.
30. Dewey J. *Human Nature and Conduct: An Introduction to Social Psychology*. — New York: Henry Holt, 1922. — 336 p.
31. Dewey J. *The Quest for Certainty, a Study of the Relation of Knowledge and Action. Gifford Lectures*. — New York: Minton, Balch & Company, 1929. — 318 p.
32. Dewey J. *Lectures in China, 1919–1920*. — Honolulu: The University Press of Hawaii, 1973. — 337 p. (Полн. рус. перевод в кн.: *О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века)*. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — С. 331–384).
33. Dewey J. *Liberalism and Social Action*. Amherst. — New York: Prometheus Books, 2000. — 93 p.
34. Dostaler G. *Les lois naturelles en économie. Émergence d'un débat* // *L'Homme et la société*. — 2008/4–2009/1. — № 170–171. — P. 71–92.
35. Faccarello G., Steiner Ph. *The Diffusion of the Work of Adam Smith in the French Language: An Outline History* // Keith Tribe (Ed.) *A Critical Bibliography of Adam Smith*. — London: Pickering and Chatto, 2002. — P. 61–119.
36. Hansson S. O. *Decision theory: A brief introduction*. — Stockholm: KTH, 2005. — 94 p.
37. Lee F. *A History of Heterodox Economics: Challenging the Mainstream in the Twentieth Century*. — London and New York: Routledge, 2009. — 622 p.
38. Sage E. M. *A Dubious Science. Political Economy and the Social Question in 19th-Century France*. — New York: Peter Lang Publishing, Inc., 2009. — 170 p.
39. Savage D. M. *John Dewey's Liberalism: individual, community, and self-development*. — Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois University Press, 2002. — 219 p.
40. Sigot N. *Utility and Justice: French Liberal Economists in the 19th century* // *European Journal of the History of Economic Thought*. — 2010. — Vol. 17. — No. 4. — P. 759–792.
41. Weintraub E. R. *How Economics Became a Mathematical Science*. — Durham; London: Duke University Press, 2002. — 313 p.
42. Yefimov V. *Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie*. — Paris: l'Harmattan, 2003. — 395 p.